

Труд - 1996 - 24 июня - с 3

КУЛЬТУРА

НЕ БЫТЬ НА СЦЕНЕ ДЛЯ НЕГО ЗНАЧИЛО НЕ ЖИТЬ

Сегодня Марису Лиеле исполнилось бы шестьдесят

Он мог бы еще быть на сцене... По отношению к артисту балета это утверждение звучит странно, но творческий феномен Лиелы допускал возможность сценического долголетия. Он принадлежал к тому редкому типу танцующих актеров, которые могут найти себя в новом, характерном амплуа. Ведь не случайно в балетной «Анне Карениной» он воплотил и Вронского, и Каренина. Стоит вспомнить знаменитого петербургского премьера Павла Гердта, который в возрасте 72 лет выступил в роли Гамаша («Дон Кихот»), работал в театре до конца жизни, перейдя на мимические роли и характерные танцы.

Во время первых больших гастролей Большого театра в Англии (1956) критики писали о том, что труппа представлена артистами разных поколений и что это придает особую убедительность и красочность спектаклям. Сколько замечательных ролей создал, например, в уже преклонном возрасте А. Радунский! Это одна из традиций Большого театра, определявших его самобытность. Она, как и многие другие, была нарушена...

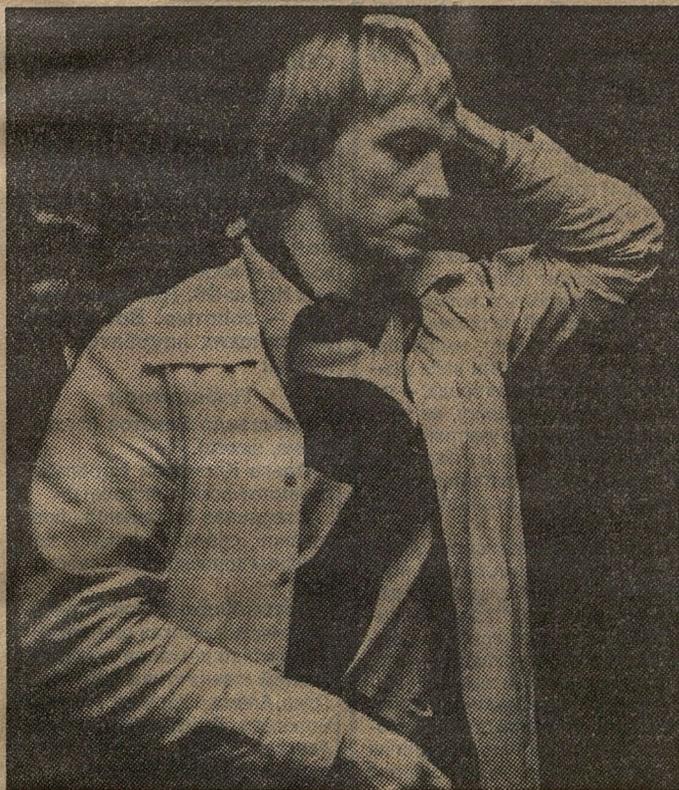
Когда М. Лиела просил оставить его в театре на таких ролях, как Ганс в «Жизели», фея Карабос и король в «Спящей красавице», Лоренцо в «Ромео и Джульетте», принц Лимон в «Чипполино», Гамаш в «Дон Кихоте», ему в этом было отказано. А ведь он был не только великолепным танцовщиком, но замечательным, острым и выразительным характерным актером, который мог быть полезен театру в новом амплуа.

Мало того, я уверен, что в этой области его и нас ждали артистические открытия — можно представить, какой силы мог бы он достичь в таких ролях, как Великий Брамин в «Баядерке» или, скажем, колдунья Мейдж в «Сильфиде»...

Страшно перечитывать страницы дневника Лиелы. В ночь с 14 на 15 марта 1982 года он писал: «...любой актер может прожить без денег, даже какое-то время без любви, без друзей... Но не может жить, выжить без новых ролей, без новой работы. Он захочется. О, сколько времени я уже так живу в Большом театре...». И дальше, без даты: «Продолжается хандра... Бесперспективность — это, наверное, самое страшное в жизни... Для чего ждать, жить, быть?.. Вот и убиваю себя, чтобы все во мне омертвело... самое страшное в этом — не умереть, а понятие «не жить». Не жить — это страшно...»

Не быть на сцене для него значило — не жить.

Когда такие великие мастера, как А. Мессерер, М. Семенов, Г. Уланова, А. Ермолаев, М. Габович, позже Н. Фадеечев, сошли со сцены, они остались в театре или в Московском хореографическом

училище в качестве педагогов и балетмейстеров-репетиторов. Лиеле это не было предложено, хотя нет сомнения в том, что его талант, культура, уже имевшийся педагогический опыт могли бы очень согреться молодым актерам.

Я уверен, что Марис Лиела был бы жив, если бы ему было дано жить на сцене. «Сцена — моя жизнь» — этот известный девиз великой русской актрисы М.Г. Савиной с полным правом мог бы повторить Лиела. Лишившись сцены, он лишился и жизни. Самые последние его годы, годы без театра, были уже пеплом от потухшего огня.

Но в самой его трагедии есть величие и красота. У него была железная воля к сценическому, творческому бытию. И не оказалось сил для существования вне театра. Он погиб, как птица с простреленным крылом, как рыба, выброшенная на сушу.

Все в его жизни было безоговорочно, даже жестоко подчинено работе, танцу. Он был неутомим в занятиях, упражнениях, репетициях. Его вдохновляло высокое честолюбие Артиста. Он был готов на все ради своей артисти-

ческой карьеры. Своеобразный, сдержанный стиль Лиелы, четкая манера его танца до предела насыщались напряжением интеллекта и воли. Танцевальная законченность сочеталась с яркой театральностью исполнения.

М. Лиела — один из прославленных премьеров Большого театра, благородный классический танцовщик, принц Зигфрид, принц Дезире, Альберт, Жан де Бриен, Ромео... И вдруг гигантский образ насилия, тирании, беспощадной жестокости — Красс в «Спартাকে». «Вдруг» — потому что в этой роли произошло открытие актера, и раньше достаточно известного, но с этого момента истине большого, сказавшего свое, еще никем не сказанное слово. Лиела танцевал грозное могущество, надменную красоту, фанатическую целеустремленность зла. Верилось, что этот мнящий себя полубогом Красс может увлечь обезумевшие толпы, бросить в бой легионы воинов, ввергнуть мир в хаос кровопролития и вражды. Страшное существо своего героя Лиела воплощал в ослепительно прекрасной, строго эстетической, чекан-

ной пластической форме. Бронза и мрамор римских бюстов, скульптур и барельефов оживали в выразительнейшей статуарности его поз.

Лиела всегда проявлял интерес к драматической стороне своих партий. В начале своего пути он танцевал партию Лионеля в спектакле театра им.К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко «Жанна д'Арк». Это был его первый «отрицательный» образ — надменный и коварный военачальник, безжалостный враг Орлеанской девы. Помню, мы встретились зимой на улице и долго, не замечая мороза, говорили о том, что, может быть, не следует делать Лионеля только беспощадным и хитрым мстителем, но показать, что в его сердце возникает чувство к Жанне, восхищение ее смелостью, благородством и это чувство борется с его воинским долгом, с фанатическим служением английскому знамени. Уже тогда в молодом танцовщике меня поразила его пытливость, напряжение мысли, стремление постигнуть глубину и противоречивость роли.

Не могу не сказать о том, что Марис Лиела был безупречно воспитан, мог быть изысканно внимательным к людям, которых уважал и ценил. Он совершенно покорила своей галантностью гениальную Серафиму Бирман, которая в старости была достаточно одинока и не избалована официальным признанием — Лиела неизменно присылал ей билеты на свои спектакли, дарил цветы, с интересом слушал ее замечания и советы.

«Я люблю здание Большого театра, его классическую строгую архитектуру... Я люблю этот театр, бывший когда-то для меня недостижимой мечтой, волнующим сном, далекой надеждой. Почти за два десятилетия работы в нем я не избавился, не побоюсь прослыть сентиментальным, от священного трепета при мысли, что здесь мой дом, мой театр!»

Марис не мог пережить то, что двери этого дома закрылись перед ним. Он умер бездомным; неприютным.

Приведенные строки я прочел в книге Лиелы, которая называется — «Вчера и сегодня в балете». Он ушел из жизни, когда понял, что у него в балете нет «завтра»...

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН.